

Л.Л. Ивченко
L.L. Ivchenko

**«ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА»
В ИЮЛЕ – АВГУСТЕ 1812 года
ОТ ВИТЕБСКА ДО СМОЛЕНСКА
В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СИНХРОННЫХ ИСТОЧНИКАХ
И МЕМУАРАХ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ**

**“DEFENSIVE WAR”
IN JULY – AUGUST 1812
BETWEEN VITEBSK AND SMOLENSK
IN RUSSIAN ORIGINS AND MEMOIRS
OF THE PARTICIPANTS OF THE EVENTS**

Автор исследует и сравнивает различные источники, имеющие отношение к военным действиям 1-й и 2-й Западных армий между Витебском и Смоленском. Автор уделяет особое внимание оперативной переписке военачальников как свидетельству их реального мнения по вопросу соединения армий в Смоленске и точки зрения на долгосрочный план кампании без немедленного пополнения 3-й и Дунайской армиями.

The author investigates and compares the different kinds of the origins bearing on the military actions of the 1st and the 2nd Western Russian Armies between Vitebsk and Smolensk. The author gives particular attention to the operative correspondence of the military leaders as a testimony of their real opinion on the matter of the connection of their armies in Smolensk and their point of view touching the long-term plan of campaign without immediate supplement of the 3rd and Danube Armies.

Ключевые слова: 1812 год, «оборонительная война», воспоминания, историография, историческая память.

Keywords: 1812, “Defensive war”, origins and memoires, historiography, historical memory.

В качестве предисловия автор решился сразу прибегнуть к цитированию синхронных и мемуарных источников, указывающих на некоторые проблемы, существующие в отечественной историографии, посвященной событиям с конца июня (начала июля по н. ст.) до начала (середины) августа 1812 г., условно говоря, от Витебского до Смоленских маневров 1-й и 2-й Западных армий. Основным методическим приемом в данном случае является системный анализ источников (в основном, синхронии), имеющих отношение к толкованию основных сюжетов «событийного нарратива».

В энциклопедических изданиях, впрочем, как и в исторических трудах незыблемой является следующая версия: после оставления 1-й армией Дрисского укрепленного лагеря 2 (14) июля «российское командование окончательно отказалось от идеи прикрытия стратегических направлений посредством занятия фланговой позиции между ними, главной задачей стало соединение 1-й и 2-й Западных армий»¹. На этом недвусмысленно в полемике с А.И. Михайловским-Данилевским настаивал бывший генерал-квартирмейстер 1-й Западной армии К.Ф. Толь. По его мнению, оставление Дрисского лагеря «являлось доказательством, что проекты генерала Пфуля были оставлены и с тех пор соединение обеих армий становится главной целью операций <...>»². Но так ли все было в действительности?

Бывший начальник Главного штаба 1-й Западной армии генерал А.П. Ермолов, вспоминая о сближении обеих армий к Смоленску, пишет в своих записках: «...получено было известие от князя Багратиона, что он приближается беспрепятственно к Смоленску и, если нужно, вступит одним днем позже нас. Непонятно намерение, с каким сообщил мне главнокомандующий [Барклай де Толли] следующее рассуждение: „Как уже соединение армий не подвержено ни малейшему затруднению, полезнее, полагает он, действовать по особенному направлению, предоставив 2-й армии операционную линию на Москву. Продовольствия для двух армий будет недостаточно. В Торопце и по Волге большие заготовлены запасы, и Тверская губерния пожертвовала значительное количество провiantа, что потому, предполагает он, с 1-ю армиею и идти по направлению на Белый и вверх по Двине“. ... Я с горячностью сказал ему: „Государь от соединения армий ожидает успехов и восстановления дел наших. Соединения желают войска с нетерпением. К чему послужили 2-й армии пе-

ренесенные ею труды, преодоленные опасности, когда вы повергаете ее в то же положение, из которого вырвалась она сверх всякого ожидания? Движение ваше к Двине выгодно для неприятеля: он, соединивши силы, уничтожит слабую 2-ю армию, отдалит нас навсегда от полуденных областей, от содействия прочим армиям! Вы не смеете сего сделать; должны, соединяясь с князем Багратионом, начертать общий план действий и тем исполнить волю и желание императора!»³.

А.П. Ермолов, как известно, автор далеко не беспристрастный. Можно ли верить сообщенным им сведениям, коль скоро других очевидцев их диалога с Барклайем де Толли не было? Но вот что пишет в ноябре 1812 г. сам Барклай в «Изображении военных действий первой Армии в 1812 году», адресованном Александру I: «...Ваше Императорское Величество соизволили утвердить следующее предначертание. Первая армия должна была следовать из Дриссы против течения Двины для предупреждения неприятеля в Витебске, также между Двиною и Днепром для удобнейшего соединения со второю Армиею. ...Мое намерение было занять лагерь при Полоцке. Тогда мог бы я удобнее наблюдать за движениями неприятеля и подкреплять Графа Витгенштейна, имея в своем расположении дороги к Ревелю и Себежу, откуда получал я продовольствие»⁴. Генерал Н.И. Ладыгин, сравнив исторический труд Д.П. Бутурлина с «Изображением» М.Б. Барклая де Толли, обратил внимание на вопиющее несоответствие: «Из повествования Д.П. Бутурлина явствовало, что „обе армии все усилия свои напрягали соединиться друг с другом“⁴. Но князь Барклай де Толли в сочинении или в отчете своем говорит: „Мое намерение было занять лагерь при Полоцке“.... Вот доказательство, что Барклай де Толли не думал о прикрытии Смоленска, дороги Московской и южных губерний. Он больше помышлял о заслонении Петербургских дорог, намереваясь отступить к Себежу, а южную сторону предоставляя неприятелю»⁵. Добавим к этому, что о соединении армий в этом случае речи не велось.

Здесь возникает и другая проблема между источниками и «историкоописанием»: когда Барклай де Толли сообщал Александру о своем намерении следовать на Полоцк, речь шла определенно о «предначертаниях» императора, которые не вызывали сомнений у Барклая, так как после соединения армий под Смоленском, император направил ему рескрипт с некоторой долей неудовольствия: «Я получил

донесения ваши, как о причинах, побудивших вас идти с 1-й армией на Смоленск, так и о соединении вашем с 2-й армией. **Так как вы для наступательных действий соединение сие считали необходимо нужным** (выделено авт. — Л. И.), то Я радуюсь, что теперь ничто вам не препятствует предпринять их...»⁶. То есть, сам Государь в соединении армий необходимости по-прежнему не видел.

Сведения «Изображения», которое А.Г. Тартаковский справедливо определил как ранний мемуарный источник, находит подтверждение в переписке М.Б. Баркляя де Толли с князем П.И. Багратионом, главнокомандующим 2-й Западной армии, в день, когда под Смоленском отношения обоих военачальников приблизились к «точке кипения», 31 июля (12 августа) Барклай раздраженно выговаривал Багратиону: «Движение 1-й армии к Смоленску имело только целью приближение 2-й армии к сему городу и совершенно преградить неприятелю путь вовнутрь Государства. Достигнувши сей цели, обязанность 1-й армии есть открыть себе свободную коммуникацию с Графом Витгенштейном..., а между тем оставаясь в таком положении, чтобы могло дать вспомоществование 2-й армии, которой остается прикрывать дорогу в Москву». Таким образом, Барклай де Толли в тот момент всерьез полагал, что 40-тысячной армии князя Багратиона вполне достаточно, чтобы прикрыть дорогу на Москву? Но еще 18 (30) июля до соединения армий под Смоленском Багратион, в свою очередь, написал Барклаю: «Ваше высокопревосходительство уведомляете меня, что когда армия, мне вверенная будет у Смоленска, то первая прикроет губернии Лифляндскую, Псковскую и Витебскую. Я иду к Смоленску и хотя имею под ружьем не более 40 тыс[яч] человек, но держаться буду»⁷.

Численность войск, явно несоразмерная предстоящей задаче, похоже, не вызывала у «Второго Главногокомандующего» негативной реакции, так же, как и у начальника Главного штаба этой армии Э.Ф. де Сен-При, который в самом начале военной кампании отправил своему приятелю, состоявшему при штабе Баркляя, А.А. Закревскому полное негодования письмо о положении 2-й армии, «которая составлен[ная] из 3^{1/2} дивизий, ни что иное есть как несчастный брошенный на жертву корпус, которому естли неприятель не дурак и малейшую имеет поверхность над нами, никогда не увидеться с вами и места не найдет, куда ретироваться. ... Слезы у меня в глазах, когда

я об этом думаю, но нечего делать»⁸. Но — тот же Сен-При, как это подметил замечательный исследователь XIX столетия А.Н. Попов, в свою очередь, направил Александру I письмо из-под Смоленска: «...Это соединение, последствия которого могут быть весьма счастливые, представляет и свои неудобства. Чрез это скопилось огромное количество войск в положении невыгодном... Вследствие этого произошел действительный недостаток в продовольствии, который может остановить самые успехи соединенных армий. Этого неудобства не случилось бы, если бы последовали образу действий, которые предлагал князь Багратион, чтоб 1-я армия, удерживаясь при Витебске, а 2-я от Смоленска, постоянно угрожали бы обоим флангам неприятеля, которого уже начали тревожить с тылу. Зная, что впереди в средоточии империи готовятся новые силы против него, он никогда не посмел бы стать между двух огней и дал бы нам возможность располагать по нашей воле». Далее А.Н. Попов заметил: «Быть может, и об этом плане действий можно рассуждать с точки зрения военной науки, одобрять или опровергать его, как и план, выраженный Барклайем в разговоре с Ермоловым; но и этот [план] одинаково клонился к раздельному и самостоятельному действию обеих армий...»⁹

А.Н. Попов высказал предположение, что со стороны обоих военачальников, «быть может, принимало участие нежелание одного из главнокомандующих подчиниться другому». Нам представляется, что причина здесь кроется в другом: оба главнокомандующих были убеждены в том, что их армии находятся на том направлении, которое представляет больший интерес для противника с точки зрения перспективы ведения войны. Тот факт, что Барклай де Толли, согласно воле императора и собственным предположениям, постоянно «рвался» на север убедительно «прописано» в синхронных документах и в его «Изображении»¹⁰. Определенность в намерениях князя Багратиона выявить сложнее: он, вместе со своей армией, находился в более тяжелой ситуации, когда ему постоянно приходилось оправдываться в своих действиях, которые представлялись ошибочными императору, но отнюдь ни его сослуживцам. Тот же генерал Ермолов считал Багратиона человеком «ума тонкого и гибкого», а сослуживец по Итальянскому походу 1799 года еще тогда заметил в адрес полководца, что тот «много показывал скрытного», то есть до поры избегал выражать свое мнение, но стоял на своем.

В последнем можно убедиться, если проанализировать официальную переписку П.И. Багратиона от начала войны до Смоленска, сравнив ее с отзывами о его действиях тех военачальников, которые, находясь на верхних ступенях служебной иерархии, могли высказать компетентное мнение о ситуациях, в которых оказалась 2-я армия со своим главнокомандующим. По поводу следования к Дрисскому лагерю К.Ф. Толь рассуждал так: «Когда князю Багратиону предписано было движение на Вилейку, надеялись, что он выдвинется на фланг французской армии. На этой позиции он имел бы, как надеялись, базой Великороссию, легкое и беспрепятственное сообщение с 1-ю армией, при чем предполагалась возможность присоединения к ней в ближайшем будущем, но когда именно — точно не предвидели»¹¹. Фразы «как надеялись», «предполагалась возможность», «точно не предвидели» указывают, с одной стороны, на неопределенность положения 2-й армии, с другой стороны — на оперативный простор, в котором находился князь Багратион по отношению к распоряжениям, приходившим к нему издалека. Будущий фельдмаршал И.Ф. Паскевич отмечал в «Походных записках»: «Если бы 2-я армия 14-го [июня] отступила на соединение с 1-ю армиею, то или наткнулась бы на корпус маршала Даву, или бы, соединившись выше на севере с армией генерала Барклая де Толли, была бы вместе с нею отрезана от Смоленска, брошена на север, и тогда все способы южных губерний были бы в руках неприятеля»¹². Паскевич отмечал, что направление, на котором находилась 2-я армия, ни в коем случае нельзя было оставлять ради движения на север, хотя бы даже с целью соединения армий. Далее он сообщал: «Кн[язь] Багратион решился отступить не на Минск, но чрез Несвиж, Слуцк к Бобруйску. ... За это отступление к Несвижу обвиняли кн[язя] Багратиона. Но, напротив, нельзя не отдать справедливости его военному соображению. Он видел, что всего нужнее было сохранить армию, и что соединение с 1-ю армиею по прежнему направлению невозможно... Впоследствии 11-го июля (из Слуцка) кн. Багратион решился даже писать государю, что соединение армий, как тогда генерал Барклай де Толли отошел на север, к Дрисскому лагерю, едва ли бы даже было полезно, ибо неприятель всегда мог обойти левый наш фланг»¹³. 30 июня (12 июля) 1812 г. князь Багратион на марше к Слуцку доносил императору: «Сберегая вверенных мне защитников отечества, я не пожалею собственно себя

ни в каком случае, чтобы усугубить славу Российского воинства... и с упованием на Всемогущего Бога потщусь не допустить врагов распространить дерзость свою на Смоленск. Соображаясь с движениями неприятельских сил и собственными возможностями, буду изыскивать средства, поражая неприятеля, проложить себе путь к соединению с первой армией. Но быв отовсюду окружен и стесняем непомерно превосходными силами, я не смею отвечать за успех в моих намерениях...»¹⁴ Багратион вполне определенно намерен «не допустить врагов распространить дерзость свою на Смоленск», но соединение армий он ставит в зависимость от обстоятельств. В этой части предписываемых ему действий «успех намерений» полководец настроен был делить с 1-й Западной армией, о чем и не преминул поставить в известность Государя.

Достигнув Слуцка среди «лесов, болот и мерзких дорог», 1 (13 июля) Багратион прямо высказал свою мысль императору: «Находя себя на каждом шагу в новом и столько же невыгодном положении, и отовсюду окружаемого, я принужденным нахожусь также переменять мои намерения. ... В толь невыгодном для меня положении, я еще осмелился бы надеяться даже успехов оружию российскому, если бы ваше императорское величество решительно приказали 1-й армии атаковать неприятеля»¹⁵. Главнокомандующему вторил его начальник штаба Э.Ф. Сен-При в частном письме А.А. Закревскому: «Естли 1-я армия хоть бы два марша зделала вперед, мы бы были облегчены, но она отступает форсированными маршами и все на нас надеется. ... Благодаря Богу и нашему солдату, я надеюсь, что мы успеем еще прибыть в Могилев и тут уже поворотить оглобли, где удобнее будет, для спасения не вашей армии, но всей России...»¹⁶ То есть, командование 2-й Западной армии намеренно движется к Смоленску через Могилев.

В тот же день Багратион доходчиво обрисовал Барклаю де Толли ситуацию на Днепровско-Двинском театре военных действий, как она представлялась ему на 1 (13) июля 1812 года: «...Если признано было необходимостью не отражать неприятеля при самом его намерении выступить в границы, но отступить с намерением соединить армии, то, ...позволяю себе думать, что с отступлением первой армии к Свечианам, соединение наше без нападения первой армии на неприятеля соделалось невозможным; а с удалением оной к Дриссе

и невозможным, и даже бесполезным. ... Я уверен, что если бы удалось пройти мне Минск и быть ближе настоящего положения с правою [первою] армиею, тогда бы с большею дерзостию неприятель взял направление во внутрь России, нежели теперь на сие осмелился»¹⁷. Иными словами, если бы любимец Суворова, увидел «пользу» в движении на Свенцианы, на Минск, на Вилейку, снова на Минск, на Оршу, он, безусловно, предпринял бы попытку прорваться в указанных ему пунктах, но, судя по переписке, генерал не собирався оставлять направление, на котором находилась его армия, и именно к этому направлению он всеми силами старался «притянуть» 1-ю Западную армию, чего ему и удалось добиться под Смоленском, потому что название именно этого города присутствует почти во всех его исходящих документах того времени. Ради этой цели, «наиотличнейший генерал и достойный высших степеней», как рекомендовал его Суворов, терпел оскорбительные выговоры в нерешительности, в невежестве в вопросах военного искусства. Трудно себе представить, чтобы человек с темпераментом князя Багратиона, с его понятиями о чести и воинской репутации («князь Багратион, тогда лучший судья военных подвигов», — написал А.И. Михайловский-Данилевский) так последовательно и упорно уклонялся бы от повелений императора (но при этом умело ссылаясь на его же рескрипты), если бы он не руководствовался более высокой целью, не замечал бы, что его оппоненты допускают ошибку, полагая, что Наполеон не выйдет за пределы Днепровско-Двинского театра военных действий.

6 (18) июля Багратион отправил из Бобруйска рапорт императору: «Не имея счастья получить высочайшего вашего императорского величества повеления, какое направление принять я должен от Бобруйска..., чтобы неприятель не сделал вторжение к Смоленску, ... чтобы наконец не отступить от единственной моей цели соединиться с первою армиею или открыть действия на неприятеля, противу оной состоящего, ... я решился следовать к Могилеву и оттоль далее по обстоятельствам... Я бы ускорил соединение в предстоящем пространстве, но лошади кавалерийские изнуряются, а под артиллерию и обозами того более, что останавливая меня, не делает удовлетворения тому желанию, с которым желал бы повергнуть себя к стопам вашего императорского величества»¹⁸. Иными словами, Багратион снова выражал готовность соединиться с 1-й армией, но в Смоленске, что, как явству-

ет из переписки Барклая с императором, не входило в их планы. «Второй главнокомандующий» сообщил, что и далее намерен действовать «по обстоятельствам», а в заключительной фразе прозвучала ирония, которой так славился князь Багратион и которую так не переносил император. По словам генерала Л.Л. Беннигсена, «Багратион ... счастливо дошел до Могилева; это... устраняло для него все затруднения, которые он мог ожидать от составленного плана военных действий»¹⁹. Можно сделать вывод, что опытный и авторитетный военачальник, каким считался в армии «длинный Кассиус», он с самого начала видел в действиях Багратиона не только объективную невозможность оборонять фланг и тыл 1-й армии или пробиться с ней на соединение, но вполне обоснованное с военной точки зрения нежелание выполнять приказы, которые грозили «потерей всей кампании».

10 (22) июля, делая акцент на «неосторожной» фразе из рескрипта императора, Багратион сообщает ему, что Могилев уже занят войсками маршала Даву, но, «достигая... цели, предначертанной вашим императорским величеством... преградить путь неприятелю к Смоленску и иметь в тылу 2-й армии центр России, я должен следовать непременно на Могилев»; только в Могилеве 2-я армия могла переправиться через Днепр, так как на всех остальных «весьма отдаленных» переправах русские войска рисковали оказаться между двух огней — между неприятельскими силами, находившимися в Могилеве и «идущими из Орши на Смоленск». «...В таковых крайностях не остается мне ничего далее, как собрав силы вверенной мне армии и призвав на помощь Всевышнего, атаковать их и непременно вытеснить из Могилева»²⁰. Багратион шел на Могилев с определенной целью — переправиться через Днепр, а не для того, чтобы прорываться через войска Даву, сколько бы их там не находилось. Он видел свою цель в том, чтобы преодолеть сложную местность, имея «на хвосте» неприятеля, а не сразиться с ним ради выхода к Орше. 11 июля, находясь «близ Старого Быхова», Багратион в тех же словах объяснил свои намерения генералу Торماسову, даже не упомянув при этом о движении на Оршу, в то время, как Барклай де Толли сообщал императору, что его «намерение было сражаться при Витебске..., доставляя тем Князю Багратиону удобность приближаться к первой Армии»²¹. Кстати, генерал Ермолов вспоминал: «В Будилове представил я главнокомандующему мысль мою перейти на левый

берег Двины... Переправившись, следовать поспешно на Оршу, заставить маршала Даву развлечь силы его, в то время, как все его внимание обращено было на движение 2-й армии, и тем способствовать князю Багратиону соединиться с 1-ю армией, уничтожить расположенный в Орше неприятельский отряд, и перейдя на левый берег Днепра, закрыть собою Смоленск... Все преуговлялось к переправе, и пришедшим нам успех предстоял верный. Не прошло часу после отданных приказаний, главнокомандующий изменил намерение. Я примечал, кто мог отклонить его, и не подозреваю никого другого, кроме флигель-адъютанта Вольцогена. ...Армия продолжала путь к Витебску»²². Об этом же 16(28) июля Ермолов сообщал императору: «На третьем от Полоцка к Витебску переходе надо было идти на Сенно и Коханово. Сим движением... 1-я армия становилась уже на дороге, идущую через Смоленск в Москву, закрывала сердце России и все средства для дальнейших мер оставляла за собою»²³.

Подобного же мнения придерживался и генерал Л.Л. Беннигсен: «...Эта армия (1-я Западная. — Л. И.) должна была перейти реку (Двину. — Л. И.) и двинуться по направлению к Орше, оставив по правую руку Сенно; на это требовалось... два дня. В Орше армия могла перейти Днепр, если маршал Даву не переправился через эту реку; в противном случае, она могла бы спуститься по правому берегу Днепра. Такое движение первой армии, сообщенное князю Багратиону, могло поставить корпус маршала Даву между двух огней, ... подвергнуть его большой опасности, ... так как Наполеон не мог бы явиться к нему на помощь достаточно вовремя. Соединение наших двух армий совершилось бы гораздо ранее, ... после этого они могли бы в полной безопасности двинуться на Смоленск; при этом первая армия избегла бы необходимости совершения обхода, сделанного ею при движении на Витебск»²⁴. Об этом же предмете впоследствии рассуждал в своих записках бывший генерал-квартирмейстер 2-й армии М.С. Вистицкий: «Оставляя лагерь при Дриссе, ... не лучше ли Барклаю было идти через Минск прямо на Оршу... для соединения со 2 армией? Ибо, что 2 я армия не отрезана, то приписать надлежит оплошности неприятеля»²⁵.

По мнению Беннигсена, не знавшего о том, что генерал выполнял «предначертание» императора, «решение Барклая — принять сражение под Витебском и, быть может, потерпеть поражение, подвергало

опасности участь армии, государства и даже целой Европы, и, вместе с тем, побуждало, с другой стороны, князя Багратиона делать различные напрасные движения и марши. Если бы мы и одержали победу, то она не могла быть решительною по причине большого численного превосходства неприятеля»²⁶. Барклай в этом случае придерживался другого мнения. 15 (27) июля он направил императору донесение из Велижа: «...Решился я выбрать хотя и не совсем выгодную позицию у Витебска, в которой... хотел я дать генеральное сражение..., когда внезапно полученное от князя Багратиона... известие, истребило совершенно все сии предположения, ибо он меня уведомляет, что... он для соединения со мною взял свое направление еще правее... И потому я принужден был против собственной воли сего числа оставить Витебск, ...дабы отступить три марша к Поречью... **Я уверен в совершенном успехе генерального сражения, если бы только обстоятельства не воспретили ныне дать онаго по соединении с армиею князя Багратиона** (выделено авт. — Л. И.)»²⁷. Интересно, откуда взялась подобная уверенность у военачальника, которому в отечественной историографии традиционно отводится страдательная роль противника генеральных сражений? Из его же собственных слов явствует, что от необратимых последствий преждевременного, как тогда говорили, «большого сражения» обе армии от самого Немана удерживал будто бы горячий, «облегченный от ответственности», постоянно рвущийся в бой князь Багратион?

Таким образом, следует признать, что исследователи, традиционно считавшие и считающие Багратиона бескомпромиссным сторонником наступления и генерального сражения, заблуждаются. Суть его разногласий с Барклаем де Толли заключалась, как явствует из официальной переписки, совершенно в ином: Багратион под любым предлогом отказывался с потерями пробиваться на север, так как считал, что именно его армия находится на главном стратегическом направлении и настаивал на том, чтобы 1-я армия сближалась на соединение с ним. Что до Наполеона, то Багратион с полным пониманием признавал в своей переписке: «Его единственная надежда в выигрыше сражения...»²⁸, а 18 (31) июля, например, он писал адмиралу Чичагову: «В рассуждении, что нет у нас резервной армии, должны мы до некоторого времени ограничиваться тем, чтобы малыми отрядами занимать и беспокоить неприятеля, не давая генерального сражения»²⁹.

По мере сокращения расстояния, разделявшего две армии, принципиальная позиция князя П.И. Багратиона особенно отчетливо проявилась во время событий при Могилеве, куда он направлял свою армию с определенной целью. Через три дня 13 (25) июля, после переправы через Днепр находясь на марше в Новом Быхове, Багратион доносил императору: «...Намерение мое было атаковать неприятеля при Могилеве и, вытеснив оного, проложить вверенной мне армии кратчайший путь к Смоленску»³⁰ через Оршу. ...Должен я неизбежно, вопреки высочайшего повеления вашего императорского величества, иметь решительный бой с сильнейшим себя неприятелем, не зная еще и о том, что первая армия была уже в Витебске»³¹. Может быть, Багратион и лукавил, ссылаясь на неведение о местонахождении 1-й армии, да ему это было и неважно: 12(24) июля он предлагал Барклаю де Толли от Витебска атаковать неприятеля, находившегося между Оршей и Могилевым, тем самым облегчив выход 2-й армии на Смоленскую дорогу³². 13 (25) июля из Витебска Барклай де Толли известил Багратиона о своем намерении идти к Орше: «Запасшись здесь провиантом, я тотчас пойду форсировано к Орше, чтобы сблизиться с вами и потом совокупно действовать против неприятеля». Этот вариант Багратиона не устраивал: по-видимому, его смутило будущее время. Барклай собирался двигаться к Орше, «запасшись провиантом», что означало, что к тому времени в Орше должен был находиться и сам Багратион. «Второй главнокомандующий» обоснованно отказался от идеи прорываться к Смоленску через Оршу (движение на Витебск, как свидетельствуют документы, в его намерениях вообще отсутствует), а упорное «дело под Дашковкой» обеспечило ему переправу через Днепр.

Здесь нельзя не упомянуть о статьях моего уважаемого коллеги и друга А.И. Попова, убежденного в том, что «для оправдания своей неудачи в бою под Салтановкой генерал П.И. Багратион буквально „высосал из пальца“ несколько оправданий. Одним из них было его заявление о том, будто вследствие этого боя... маршал Даву якобы стал укрепляться в Могилеве»³³. Автор указывал на необходимость сопоставить донесения Багратиона, письма Сен-При, записки Паскевича с рапортами генерала Бордесуля и маршала Даву, чтобы узнать правду о том, почему Даву остановился в Могилеве. Трепетал ли там «железный маршал» перед натиском русской армии

или решил отдохнуть от военных трудов, — князя Багратиона, по большому счету, все это уже не интересовало: он выиграл партию, а Даву проиграл, отпустив 2-ю армию. Неважно, по какой причине это случилось, но это случилось. «Грубая ошибка Даву была причиной соединения наших армий; иначе никогда, ниже за Москвою, невозможно было ожидать того, и надежда, в крайности не оставляющая, исчезала!»³⁴ — справедливо полагал Ермолов. Следовательно, князь Багратион, граф де Сен-При, Раевский, Паскевич имели право истолковать остановку Даву в Могилеве так, как им заблагорассудится.

Случались ли раньше в биографии князя Багратиона события, когда он, будучи уверен в своей правоте, брал ответственность на себя, затягивал время исполнения повелений начальства, давая при этом объяснения, по выражению Наполеона, «на известный случай»? Случались! Во время Итальянской кампании 1799 года тогда еще генерал-майор князь Багратион не стал выполнять приказ самого фельдмаршала Суворова овладеть крепостью Тортонна³⁵. В конце апреля, находясь в городке Вогера на пересечении дорог, Багратион обнаружил, что армия генерала Моро после поражения на р. Адде не отступила на север к Швейцарским Альпам, как считал Суворов, а находится между Валенцией и Алессандрией на другом берегу р. По, угрожая ударить в тыл армии Суворова. Фельдмаршал не поверил донесениям своего подчиненного и в резкой форме направил ему приказ немедленно овладеть Тортоной. 28 апреля Багратион ответил Суворову «оправданиями»: «С сердечным соболезнованием гнев твой, сиятельныйший граф приемлю... Итак с Божьей помощью... я маршем на неприятеля по полуночи с корпусом, мне вверенным выступлю...»³⁶ Но никуда не пошел! А 29 апреля Суворов убедился в правоте своего младшего соратника и принялся исправлять уже допущенную им ошибку: ведь если бы он обратил внимание на сведения Багратиона на три дня раньше, то не произошло бы неудачного для русских войск «дела» при Басиньяно, когда корпус генерала А.Г. Розенберга, совершив переправу через реку По столкнулся с главными силами армии Моро. В тот памятный для биографии Багратиона день Суворов впервые обратился к нему по имени отчеству: «Князь Петр Иванович!» Когда ситуация удачно разрешилась, Суворов издал приказ по армии № 33 от 3 мая 1799 г., который начинался словами: «Местной в его близости по обстоятельствам лучше судит, нежели отдаленный, он проникает в еже-

часные перемены течения их и потому направляет свои поступки по воинским правилам»³⁷. Князь Багратион мог отстаивать свое мнение перед самим Суворовым, что уж говорить о предписаниях Государя и Барклая де Толли? «Итак, кн[язь] Багратион судил и видел вещи, как истинно военный человек», — признавал И.Ф. Паскевич.

Возвращаясь к «делу» под Дашковкой (Салтановкой) Ермолов тоже не удержался от критического замечания в адрес Багратиона, которого называл «своим благодетелем». Но это было замечание несколько другого характера: «Корпус генерал-лейтенанта Раевского атаковал при селении Дашковке часть войск маршала Даву, овладевшего Могилевым. В начале сражения силы неприятеля слабые, в продолжении умножились значительно. ... Действие генерала Раевского, заслоняя совершенно движение армии, представляло князю Багратиону удобство, которым не помыслил он легко воспользоваться и, сделав беспрепятственно ускоренный переход, выиграть расстояние для избежания преследования. Но вместо того армия расположилась на ночлег на той позиции, которую генерал Раевский занял после сражения»³⁸. Причина пребывания всей 2-й армии на левом берегу заключалась в том, чтобы создать у неприятеля впечатление грядущего «большого сражения» в то время, пока возводилась переправа через Днепр в том самом месте, где она единственно была возможна. Но, по донесению «инженер-генерала» 2-й армии Ферстера, тщательно проверявшего маршруты движения армии и руководившего работами, даже в этом случае возникали трудности, на преодоление которых ушли сутки. Об этом свидетельствует и переписка с генерал-лейтенантом Ф.Ф. Винценгероде. 16 июля Багратион получил от него известие: «...Я сожалею, что затруднения с переправой через Днепр задержали на несколько дней движение Вашего сиятельства, но я продолжаю надеяться, что вы, не будучи атакованы, прибудете в Мстиславль... Я уверен, что Ваше сиятельство должны будете прибыть в Смоленск раньше неприятеля, который, как мне кажется, не сможет помешать — коль скоро Вы будете в Мстиславле — сближению Вашему с Первой армией...»³⁹

Мнение о том, что Багратион потерпел неудачу при попытке пробиться на Оршу, косвенно опровергается письмом главного героя «дела» под Дашковкой командира 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского, который писал своему дяде А.Н. Са-

мойлову из Смоленска: «Князь <Багратион>, чтобы скрыть ошибку, которую он совершил, держась в 28 верстах от меня, дает понять, что я погорячился. После этого, видя результат, и что вся Первая армия воодушевлена моим делом — министр мне это говорил, — да и Великий князь меня обнял так, что оцарапал мне лицо. Начали говорить об успехе сражения. При малейшей неприятности я перехожу в другую армию...»⁴⁰ Думается, что Багратион мог упрекнуть в «горячности» своего соратника только в одном случае: если речь шла о демонстрации, а не о действительном намерении пробиться к Орше вместо 1-й армии. Наконец, Раевский был не прав: 13 (25) июля, через день после сражения, главнокомандующий уже направил рапорт Александру I, в котором «повергал монаршему воззрению беспримерную храбрость войск 7 корпуса»⁴¹.

14(26) июля Багратион настаивал на том, чтобы 1-я армия Барклая де Толли для соединения взяла курс на Смоленск. «Второй Главнокомандующий» не жалел аргументов: «...Обстоятельства, известные вам из представленного мною от 12-го числа отношения..., принудили меня взять другое направление, тем с прискорбием чувствую свое настоящее положение, что неприятель без сомнения упредит мое прибытие в Смоленск, ибо по достоверным сведениям ...мною полученным, известно, что Даву со своими силами потянулся уже к Смоленску... Один взгляд на карту удостоверит вас, что он будет прежде меня там... Я не переменяю моего направления на Мстислав[ль] к Смоленску; буду спешить, сколько сил у людей достанет, искать случая неизменно соединиться с вами. ...Я бы желал наконец сразиться с непомерным превосходством сил неприятельских и уверен, что разбитие меня, не смотря на небольшое число войск, ему бы стоило чего либо. **Но имея ввиду избежания решительных сражений, я повинуюсь и ожидаю случая** (выделено авт. — Л. И.)»⁴². По воспоминаниям Паскевича, «кн[язь] Багратион беспокоился, чтобы неприятель не предупредил его в Мстиславле, но, не встретив его здесь, мы 17-го прибыли в Мстиславль беспрепятственно продолжали путь к Смоленску. ...Вторая армия всем была обязана своему главнокомандующему кн. Багратиону»⁴³. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич не изменил памяти своего начальника даже в те времена, когда «входило в моду» его критиковать, хотя знал об упреках, которыми осыпал Багратиона Александр I.

17 (29) июля 1812 г. Багратион направил императору рапорт с Мстиславльской дороги, из которого явствовало, что он достиг цели, к которой стремился: «Я считаю себя весьма счастливым, что после всех преград я наконец достиг того пункта, на коем не имею неприятеля уже в тылу и с флангов армии. Здесь я к ним грудью...»⁴⁴ На следующий день 18 (30) июля из Мстиславля он сообщал Барклаю де Толли: «... Несмотря на препятствия к соединению, происходящие из положений обеих армий и вашему высокопревосходительству довольно хорошо известных, достиг я наконец предназначенной мне цели; 25 дней форсированных маршей, четыре дела довольно кровопролитных и наконец недвижимость маршала Даву могут оправдать действия мои перед целым светом. Ныне я по крайней мере доволен тем, что со вчерашнего дня ничто не может препятствовать прибытию моему к Смоленску»⁴⁵.

Барклай де Толли 18 (30) июля изливал душу в донесении императору, определенно зная, что встретит сочувствие: «Направление, принятое армией князя Багратиона, которая уклонялась слишком вправо, привело меня в отчаяние. Чтобы не оставить маршалу Даву открытую дорогу от Могилева к сердцу России, мне не оставалось иного решения, как прибыть к Смоленску форсированными маршами»⁴⁶. Зная о эпистолярных «демаршах» Барклая де Толли, генерал Сен-При писал Закревскому: «Он [Барклай де Толли] теперь хочет оправдаться неприбытием князя в Могилеве, но прибытие армии нашей в Смоленске нас вовсе оправдает, и в трудных наших обстоятельствах с маленьким нашим числом, я не знаю, кто мог более сделать. ... 1-я армия, когда мы придем в Смоленск, пойдет по уведомлению министра на Псков, и вы нас опять оставите одних, но мы свое дело делали и теперь пусть Отечество судит»⁴⁷. 19 (31) июля сам Багратион не преминул язвительно заметить Барклаю: «... Я и теперь не могу не вспомнить о тех пользах, которые бы нашли наши армии от усилия действий ваших к стороне Орши, если бы ваше высокопревосходительство уважить изволили мое на счет сего представление»⁴⁸.

22 июля (3 августа) после того, как армии соединились в Смоленске, Барклай де Толли неожиданно признал основательность доводов князя Багратиона: «... Усилившиеся опасения князя Багратиона убедили меня, что неприятель может также предупредить меня в занятии Смоленска»⁴⁹. В ответ он получил уже приводимый выше «иро-

нический» рескрипт Александра: «Так как вы для наступательных действий соединение сие считали необходимо нужным, то Я радуюсь, что теперь ничто вам не препятствует предпринять их... Я с нетерпением ожидаю известий о ваших наступательных движениях, которые, по словам вашим, почитаю уже теперь начатыми»⁵⁰. Действительно, 22 июля (3 августа) Багратион обратился к Барклаю де Толли: «Предоставляя вашему высокопревосходительству распорядить всем для лучшего успеха, я сам берусь, ежели вам угодно, идти на неприятеля, имея армию, вам вверенную, в подкрепление. Но во всяком случае нужно скоро решиться, тем более, что недостаток в продовольствии не позволяет нам здесь долго оставаться и долговременная с нашей стороны остановка даст время неприятелю, собравшись, выступить противу нас в превосходных силах»⁵¹. Принимая во внимание переписку императора с Барклаем де Толли, становится очевидным, что не князю Багратиону принадлежит инициатива наступательных действий, но, проанализировав все обстоятельства, он выражает готовность открыть наступательные действия силами своей армии.

25 июля (5 августа) на Военном совете, как позже писал А.И. Михайловский-Данилевский, который, безусловно, знал больше, чем мог поведать читателям, «единодушно положили идти со всем силами на Рудню как на центр расположения Наполеона»⁵². Побудительные причины изложены в донесении Барклая де Толли императору: «...По дороге к Рудне откроются нам местоположения выгодные...», «...чтобы выиграть время к вооружению внутри Государства новых войск, необходимо нужно стараться неприятеля в его предприятиях останавливать: сие не может иначе совершиться, как только одними наступательными действиями»⁵³. По собранным сведениям было известно, что Наполеон с 16 июля находился с главными силами в Витебске. Ермолов рассказывал в письме императору: «Рассеянные на большом пространстве неприятельские войска, обеспеченные нашим бездействием и в надежде продолжительного нашего отдохновения покоящиеся, способствовали успеху. Не тотчас неприятель мог быть извещен о нашем движении, и ему не менее трех дней надобно было на соединение сил, не говоря об отдаленнейших, тогда как передние были уже атакованы. Дано повеление к походу... В расстоянии небольшого перехода от Рудни армии остановились. Главнокомандующий колебался идти вперед, князь Багратион тре-

бовал того настоятельно. Вместо быстрого движения в предприятии нашем лучшего ручательства за успех дан армиям день бесполезного отдыха, неприятелю лишний день для соединения сил! Он мог уже узнать о нашем приближении!»⁵⁴

27 июля «поутру» Барклай де Толли, действительно, неожиданно отдал приказ армиям остановиться (1-я армия находилась в Приказ-Выдре, а 2-я армия — в Катани). Причина остановки скоро выяснилась: Барклай получил донесение о том, что в Поречье «стоит неприятельский отряд». В тот же день Барклай доносил императору: «...Сии войска [главные силы Наполеона] стоят между Витебском и Поречьем, ибо в противном случае не мог бы оставаться в сем последнем месте находящийся там неприятельский отряд... Я в необходимости наблюдать строжайшие правила осторожности..., главнейший предмет есть выиграние нужного времени, в течение которого ополчения и приготовления внутри Империи могли бы быть приведены в устройство»⁵⁵.

Безусловно, «приготовления внутри Империи» имели огромное значение, но «различные движения» (А.И. Михайловский-Данилевский), которые совершали армии в окрестностях Смоленска, могли свести на нет все внутриимперские усилия. Как всегда исчерпывающе охарактеризовал ситуацию Паскевич: «Как Главная квартира неприятеля была в Витебске, то ожидали, что он с этой же стороны нас атакует. Но Наполеон расчел иначе. Он знал уже, как мы увидим впоследствии, что если ему удастся бросить нас на север, то война решится в его пользу». А Барклай де Толли снова непреодолимо потянуло на север! 1-я армия ушла на Пореченскую дорогу, а 2-я армия переместилась на ее место у Приказ-Выдры, в связи с чем Барклай оптимистично доносил императору 30 июля (11 августа): «Из моего нового расположения я могу с превосходными силами напасть на левый неприятельский фланг, открыть коммуникацию с вышней Двиной и обеспечить левое крыло графа Витгенштейна»⁵⁶. По-видимому, генерал был доволен: он возвращался к первоначальному плану, который чуть было не сорвал «невежественный» Баграцион.

Лучше всех драматизм ситуации под Смоленском, на наш взгляд, удалось описать А.И. Михайловскому-Данилевскому: «Князь Баграцион не соглашался с Барклаем де Толли насчет опасности, предстоявшей от Поречья. Он писал ему о необходимости продолжать марш

на Рудню, утверждая, что Наполеон будет обходить наш левый фланг, а не правый и поведет нападение из Красного. Каждый из обоих главнокомандующих остался при своем мнении»⁵⁷. 27 июля (8 августа) Багратион пытался убедить Барклая в очевидном: «...Неприятель может легко или атаковать отряд, расположенный в Каспле, и разделить нас вновь или, обойдя наш левый фланг, истребить обсервационный корпус (отряд Д.П. Неверовского. — *Л. И.*), расположенный в Красном, которому помочь значущими силами мне будет чрезвычайно трудно или и невозможно, если в то же время буду я сам... атакован; сие разделит меня совсем от моих запасов»⁵⁸. Но 1-я армия так и осталась на Пореченской дороге, когда князь Багратион принял решение вернуться в Смоленск со своей армией. Багратион выдвинул две причины: отсутствие воды в Приказ-Выдре и главное — необходимость сблизиться с Неверовским, не дать неприятелю возможности предупредить нас в Смоленске из Красного и отрезать обе русские армии от Московской дороги. В.И. Харкевич, защищая Барклая, почему-то полагал, что Багратион «отвел свою армию к Смоленску, даже не предупредив о своем намерении»⁵⁹. Однако 29 июля (10 августа) Багратион поставил Барклая перед фактом: «По сим соображениям я покорнейше прошу ваше высокопревосходительство меня разрешить насчет моих действий, тем более, что люди у меня день ото дня ослабевают и так, как выше объяснено, неприятель, обойдя наш левый фланг, заставить может без выстрела идти к Смоленску, в чем заблаговременно можно его предупредить»⁶⁰. Барклай стоял на своем. 30 июля (11 августа) Багратион вновь настойчиво излагал Барклаю свой взгляд на ближайшую перспективу военных действий: «...Мы, быв обмануты его движениями, очистим ему дорогу. Таким образом он дошел до Смоленска, а теперь мы ему оставляем все способы идти далее. Между тем вверенная мне армия находится в таком положении, что я должен решиться занять позицию около Смоленска по дороге в Москву»⁶¹. Тогда-то Барклай и направил с Пореченской дороги пресловутое разъяснение «Второму главнокомандующему» от 31 июля (12 августа), где Военный министр «открывал глаза» своему, как ему казалось, несмышленому оппоненту: «Движение 1-й армии к Смоленску имело только целью приближение 2-й армии к сему городу... Достигнув сей цели, обязанность 1-й армии есть открыть себе свободную коммуникацию с графом Витгенштейном, который оставлен между Двиной и Псковом...»

В ответ 31 июля (12 августа), находясь еще все в той же Приказ-Выдре, князь Багратион вновь ставил Барклая в известность: «Сам останусь здесь целый день в ожидании уведомления вашего высокопр[евосходитель]ства о движениях, какие вы предпринимать изволите. Но завтра поутру поеду в Смоленск, где 7-й и 8-й корпуса будут стоять лагерем для обеспечения города и подкрепления observationalного корпуса»⁶². Собственно, кто бы его остановил? Ведь в самом рескрипте Александра I Багратиону от 28 июля (9 августа) речь не шла о подчинении Барклаю, как принято считать; в рескрипте говорилось лишь о том, что «имев единственным предметом пользы и славу России, вы будете к сей цели действовать единодушно и с непрерывным согласием»⁶³.

Неудивительно, что Барклай впоследствии жаловался Александру: «...Никогда... Главнокомандующий какой-либо Армии не находился в столь неприятнейшем положении, как я. В сие время два Главнокомандующие двух соединенных Армий равно зависели от Вашего Императорского Величества и равно уполномочены были властью, принадлежащею к сему сану, каждый имел право непосредственно доносить Вашему Императорскому Величеству и располагать по своему мнению вверенною Армию. Я имел особенное право, в качестве Военного Министра, объявлять Высочайшую Волю..., но в делах столь важных, в делах от коих зависела участь всей России, я не дерзал употребить сего права без Высочайшего соизволения»⁶⁴. Слава Богу, что император так и не дал Барклаю этого права!

31 июля (12 августа) было получено донесение, что неприятельский отряд очистил Поречье и двинулся по Витебской дороге. Барклай снова вернулся на Рудненскую дорогу, заняв 1 августа позицию при Волоковой и Гавриках, куда, по выражению Михайловского-Данилевского, «пригласил и князя Багратиона», заверив в точности своих сведений. Барклай, зная, что 3 (15) августа — день рождения Наполеона, полагал, что тот ознаменует эту дату сражением в избранной им, Барклаем, «надежной» позиции при Волоковой и Гавриках. «Все эти движения сперва к Рудне, потом к Поречью и опять к Рудне едва не были причиной гибели наших армий, открыв неприятелю наш левый фланг и большую дорогу в Смоленск», — вспоминал И.Ф. Паскевич⁶⁵.

Пока 1-я армия подвигалась к Гаврикам, а 2-я (в который раз!) шла к Надве, Наполеон предпринял движение не из Витебска к Рудне, а зашел правым крылом по дороге через Оршу на Красный, «как князь Багратион за несколько дней предсказывал»⁶⁶, — не удержался от комментария А.И. Михайловский-Данилевский. Наполеон намерен был перейти через Днепр, по левому берегу двинуться на Смоленск, занять город в тылу русских армий, отбросить их на север, открыть себе дорогу и на Москву, и отрезать русские армии от «полуденных губерний».

Собственно, это и был бы конец военной кампании, если 2 (14) августа войска Наполеона не натолкнулись бы у Красного на тот самый «обсервационный корпус», состоявший, в основном, из 27-й пехотной дивизии генерал-майора Д.П. Неверовского, ²/₃ которой были новобранцами. Как известно, «отряд героев», как называли в армии войска под командованием Неверовского, прошел в направлении к Смоленску более 35 верст, отразив многочисленные атаки кавалерии маршала Мюрата. Неверовский сразу же поставил в известность о нападении неприятеля князя Багратиона. Главнокомандующий доносил императору: «...Примера такой храбрости ни в какой армии показать нельзя». Только благодаря тому, что накануне войска Багратиона вернулись в Смоленск и не успели далеко уйти от города, удалось сорвать обходной маневр противника. Михайловский-Данилевский почему-то считал, что Неверовский не представил письменного донесения о сражении под Красным: «Тогда было время действия — не письма». Однако, его рапорт от 3 (15) августа существует и опубликованы в Материалах ВУА. Более того, этот документ был известен генералу Беннигсену, который переслал его текст своему приятелю А.Б. Фоку: «Сообщу Вам, на основании рапорта генерала Неверовского, к князю Багратиону о последовавшем у него деле с французами»⁶⁷.

3(15) августа, когда войска 2-й армии (7-й пехотный корпус Раевского и остатки 27-й пехотной дивизии Неверовского) удерживали Смоленск «ввиду всей армии Наполеона», Барклай отправил донесение императору из Гавриков: «Движение неприятеля к Днепру и на левый берег его, чем он оставляет почти все пространство между Днепром и Двиной, дает большой повод к удивлению...»⁶⁸ Багратиону же, спешившему к Смоленску с оставшимися войсками, он в

тот же день высказал свое огорчение развернувшимися событиями: «Весьма сожалею, что мы не знали вчерашнего числа о неприятельском отступлении вчера рано из Рудни. Тогда б мы могли во всех пунктах предупредить его движения»⁶⁹.

Барклай де Толли, безусловно, помнил, что император ждал от него известий о наступательных действиях и обещанных успехах русского оружия. Оставление Смоленска заставляло его искать виноватых. Первым из них был, конечно же, Багратион: «Поведение мое под Витебском доказывает, что я не страшился ударить на неприятеля; я то исполнил, что следовало исполнить Багратиону»⁷⁰. Вспоминая о своих подвигах под Витебском, военачальник забыл, в каком качестве он находится при армии: «Я устремился на голову неприятельской колонны и удерживал ее, доколе достиг места, предположенного к занятию. Я также ударил бы на неприятеля в Рудне, если бы он там остался...», но неприятель, как известно, в Рудне не остался. Он появился там, откуда его ждал Багратион, тщетно стараясь убедить Барклая в опасности грозившей обходом фланга с юга. Последовательность мыслей Барклая уловить трудно: «Участь Империи зависела от сохранения Армии, мне вверенной, доколе не было еще другой для замены оной. ... Нужны ли мечтания о славных маршах тогда, когда цель войны — истребление неприятеля, поработившего Европу?» И тут вдруг неожиданное откровение: «Сия цель не могла быть иначе достигнута, как продолжением войны под Витебском. Намеревался я и непременно бы сражался, ибо мог чрез то достигнуть предположенного предмета. Я утомлял и удерживал неприятеля и доставил чрез то Князю Багратиону время без препятствий идти к Смоленску»⁷¹. Как понять: почему Европу можно было спасти именно под Витебском, но не под Смоленском? Барклай никак не может пережить того, что, вопреки воле императора, он покинул Днепровско-Двинский театр. Дорогу от Смоленска на Москву должен был прикрывать Багратион, а не он, Барклай. Багратион, как выше отмечалось, тоже не возражал. Но не могли же оба военачальника не отдавать себе отчета, что эта задача явно превышает возможности 40-тысячной армии Багратиона?

Здесь возникает еще один сюжет, который, судя по синхронии, явно волновал тех, кто находился, по выражению В.М. Безотосного, на «генеральском Олимпе». По словам Беннигсена, «самым важным событием, случившимся во время пребывания Государя в Вильно»

явилась ратификация Александром I 11 (23) июня Бухарестского мира. «Теперь же прекрасная армия в 40 т[ысяч] человек, хорошо всем снабженная, приобретшая боевую опытность, получала возможность в продолжении 40–45 дней прибыть в Брест-Литовск, чтобы действовать в тылу французских войск, если они отважатся двинуться слишком далеко вглубь нашего отечества»⁷².

Но, продолжает Беннигсен, «во время пребывания моего в Смоленске, я получил от генерал-лейтенанта графа Ланжерона из Бухареста... письмо от 2 (16) июля 1812 г., в котором он, между прочим, писал мне следующее: „...Нашей Империи угрожают значительные неприятельские силы; у нас же здесь имеется до 50-ти тыс. свободных войск. Мир с Турцией заключен и ратификован. ... Для нас же самым выгодным последствием этого мира является возможность располагать лишними 50-ю тыс. солдат. Это войско стоит в настоящее время в Валахии; если оно простоит еще июль и август месяцы, — время болезней, — можно опасаться, что оно значительно уменьшится; в настоящее время оно в самом превосходном состоянии... Эта армия представляет совершенство в отношении строя, выправки военных упражнений и внутреннего хозяйства войск... Эта армия прекрасна, вполне свыклась с войною, насчитывает большое число опытных генералов и офицеров... Эта армия... может дойти за 40 дней до Брест-Литовска, или же стать на правом фланге... Все предвещает, что она будет двинута в Далмацию, а быть может и в Италию, чтобы произвести переворот, в котором я не вполне уверен. Я опасаясь также, что подобная диверсия ни в чем не расстроит планов Наполеона и не побудит его передвинуть ни одного человека из Польши, потому что, если он окажется победителем в России, то успехи наши в Далмации будут сами собою парализованы; если же он будет побежден, то погибнет и без этой диверсии. Для нашего движения в Далмацию необходимо, чтобы султан разрешил нашим войскам проход по его владениям и заключил бы с нами союз. Такой союз, однако, еще не заключен“»⁷³. После письма Ланжерона «длинный Кассиус» сообщил в письме приятелю: «...Вы генерал, конечно, не станете, как и я, сомневаться в том, чтобы план диверсии в Далмацию, отправлением туда молдавской армии, не входил в состав общего плана военных действий, предложенного генералом Пфулем»⁷⁴. Реальность этой идеи, как и ее возможные последствия,

не вызывали сомнений у И.Ф. Паскевича и по прошествии многих лет: «В 1812 году, по заключении мира с Турцией, адмирал Чичагов предлагал с войсками, в Молдавии и Валахии расположенными, сделать диверсию в Италии. Сначала держались этой мысли, и потому войска его не были присоединены к главным силам на западной границе. Таким образом потеряно два месяца»⁷⁵. Вместе с тем, 12 (24) июля Барклай де Толли обоснованно указывал императору едва ли не на самую важную проблему: «...У Вашего Величества... остаются для защиты государства только те Ваши армии, которые стоят перед врагом. 1-я и 2-я армии сближаются. Оне независимы друг от друга, и **не существует определенного плана** (выделено авт. — Л. И.), который бы мог служить для руководства их»⁷⁶. Однако в своих «Оправданиях» и в синхронной переписке с адмиралом П.В. Чичаговым он ссылается на план!

Генерал А.Ф. Ланжерон обращался с просьбой к Л.Л. Беннигсену сообщить его тревожные мысли императору, и 4 (16) июля Беннигсен отправил письмо Александру: «...Мне кажется, что обстоятельства настоящего времени не такого рода, чтобы можно было допустить мысль о дальней экспедиции и заставляя желать ее последствий. Блестящие решительные действия в местах, где собраны теперь главные армии, одни могут приготовить отдаленные народы к присоединению к нам с целью свергнуть наложенные на них оковы. Но доколе они будут видеть, что французы еще внутри России и имеют на своей стороне все признаки успехов, опасение будет воздерживать их от присоединения к нам и обратит их оружие против нас. Первое наше сражение с французами, которое, как предполагают, последует в окрестностях Смоленска, хотя и будет в нашу пользу, как это надо надеяться, ...не будет еще иметь, насколько я могу предвидеть, настолько решительных последствий, чтобы изменить наше положение и дозволить нам предпринять отдаленную экспедицию. Только при направлении движения молдавской армии таким образом, чтобы она могла поддержать действия нашей главной армии, в соединении с армией Торماسова, она представит собою прекрасную и многочисленную армию, которая будет содействовать тому, что успехи главной армии будут гораздо решительнее и более блестящи. Если же наши северные армии потерпят некоторые неудачи, то эта молдавская армия составит главную и явится для неприятеля всегда внушительной и грозной»⁷⁷.

6(18) июля находившийся в Луцке Тормасов объяснил Багратиону причину, по которой он не сможет оказать поддержки его армии: «Действие мое от Пинска на неприятеля в связи с армиею вашею, конечно, имело б неожиданные успехи, когда б Ваше сиятельство остановились у Мозыря в укрепленной позиции, от куда, действуя прямо, а я с тылу и фланга, понудили бы, вероятно, отступить его к Минску и открыть дорогу к соединению Вашему с большою армиею...; как же скоро изволите отступить к Бобруйску, то и появление мое от Пинска будет временно, и я принужденным буду от недостатка в продовольствии и тех же сил неприятельских возвратиться без значительного на неприятеля влияния, а, может быть, и совершенно отсюда отрезан»⁷⁸. Более того, генерал рассчитывал на помощь со стороны 2-й армии, на что Багратион ответил: «6 июля из Бобруйска Тормасову: „Государь император видит намерение неприятеля стремящегося к Могилеву, не желает подвергнуть Смоленск опасности, не переменял своего повеления о соединении армий; а по сему судите меня, могу ли я оставаться для закрытия Мозыря?“»⁷⁹ Но все же 7 (19) июля, находясь в Луцке, Тормасов поставил в известность генерала Ф.В. Остен-Сакена о том, что он должен «решительно действовать во фланг и тыл неприятельских сил»⁸⁰ к Бобруйску. 15 (27) июля Барклай де Толли известив Тормасова, что «авангард князя Багратиона... находится уже в Могилеве», настаивал на том, чтобы 3-я армия оказывала содействие 2-й, действуя на фланг и тыл неприятеля.

27 июля (8 августа), после соединения армий под Смоленском, уже и Ермолов обратился к Александру I: «Могут приспеть к нам усилия, может сблизиться армия ген[ерала] Тормасова, не столько опасная в нынешнем его отдалении, и самими успехами его ничего решительного не производящая до тех пор, как станет на операционной линии неприятеля. Покрывшая себя славою Молдавская армия, неравнодушный взгляд неприятеля на себя привлекающая, может получить опасное для него направление...»⁸¹. 30 июля (11 августа) Барклай де Толли признавался императору: «Но меня тревожит в эти решительные минуты, что я нахожусь в полном неведении относительно движений и операций 3-й армии... Осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Величество выяснить мне задачу этой армии и направление, данное его своим операциям... Видя необходимость

действовать согласованно с 3-й армией, я мог выразить только частным письмом мое желание...»⁸² Действительно, проблема Барклай заключалась не только во взаимоотношениях со старшим по чину Багратионом: на западном театре военных действий находилась еще одна армия, на содействие которой рассчитывали оба главнокомандующих, но генерал Торماسов был старше в чинах их обоих, получая при этом противоречивые сведения от самого императора. 30 июля (11 августа) Барклай сообщил Багратиону, что воля Александра «продлить сколь можно более кампанию, не подвергая опасности обе армии»⁸³. 31 июля (12 августа) Барклай признался Багратиону в том, что «теперь вся участь нынешней войны зависеть будет непосредственно от быстрых и решительных движений 3-й армии и Молдавской».

Следовательно, в дело должны вступить и другие войска? «31-го помышляли об открытии сообщения с графом Витгенштейном и содействии 3-й и Дунайской армиям», — как бы между прочим пишет А.И. Михайловский-Данилевский. В тот день 31 июля (12 августа) Барклай обратился к главнокомандующему Дунайской армией адмиралу Чичагову: «В нынешних обстоятельствах **не дозволяется 1-й и 2-й армиям действовать так, чтобы недра Государства, ими прикрытые, чрез малейшую в генеральном деле неудачу подвержены были опасности, и потому оборонительное состояние их есть почти бездейственное** (выделено авт. — Л. И.). Решение же участи войны быстрыми и наступательными движениями зависит непосредственно от Молдавской и 3-й армии, и **сие соответствует общему плану войны, по коему часть войск, на которую устремляются главнейшие силы неприятеля, должна его удерживать, между тем, другая часть, находя против себя неприятеля в меньшем числе, должна опрокинуть его, зайти во фланг и в тыл большой его армии** (выделено авт. — Л. И.). ...Убедительно прошу вас: не возможно ли, ежели не форсированными маршами, то на подводах, как можно скорее, хотя часть войск ваших подвести по направлению к Кобрину, и вслед за оным и остальную армию...» Не один Барклай в той отчаянной ситуации обратился с письмом к главнокомандующему Дунайской (Молдавской) армией. В тот же день ему направил письменное обращение Багратион: «**1-я и 2-я армии, выступив вперед из Смоленска, хотя располагают движениями**

наступательно, но в рассуждении, что нет у нас резервной армии, должны мы до некоторого времени ограничиваться тем, чтобы малыми отрядами занимать и беспокоить неприятеля, не давая генерального сражения (выделено авт. — *Л. И.*). Ваше высокопревосходительство, конечно, располагаете маршами и движением вверенной вам армии сходно назначению по высочайшей воле. Мы, однако ж, ожидаем вас с нетерпеливостью, надеясь, что прибытие ваше доставит споспешество к полезнейшему обороту в военных действиях... На сей конец не найдете ли ваше превосходительство возможности сблизиться с нами скорее изъясненного в отзыве вашем времени. Но впрочем я уверен, что вы почасту доносите государю императору и от его высочайшей воли зависят все движения и направления»⁸⁴. Рескрипт императора, направленный Барклаю в начале августа, обнадеживал: «Присланное от вас ко Мне донесение генерала Торماسова возвещает также не только о самой по себе знаменитой победе, но еще более важной потому, что генерал сей действует теперь во фланг и тыл неприятелю»⁸⁵.

8 (20) августа Сен-При выражал надежду в письме императору на поддержку резервов и энергичные действия Молдавской армии, что заставило бы неприятеля через месяц отступить из-за угрозы быть отрезанным от своих коммуникаций⁸⁶. 9 (21) августа Барклай де Толли снова обращался к императору: «Считаю моим долгом доложить Вам, Ваше Величество, что в различных боях обе армии понесли значительные потери и требуют пополнения. ...Резервные батальоны, эскадроны и артиллерийские роты, находящиеся под командой Милорадовича... в настоящем своем состоянии..., будучи составлены из рекрутов и весьма мало опытных офицеров, не принесут большой пользы. Именно теперь должны быть сделаны все возможные усилия для удержания противника. Лучшим средством для этого является операции армии генерала Торماسова со стороны Волыни и Мозыря против правого фланга и в тыл неприятеля. Успешный результат указанного предприятия вне всякого сомнения, если только войска Молдавской армии будут безотлагательно притянуты для прикрытия Волыни и в подкрепление армии Тормасова»⁸⁷. Следует отметить, что резервы Милорадовича, которые, по мнению Барклая, «не принесут большой пользы», — это те саамы резервы, которые подоспели к Бородинскому сражению. Таким об-

разом, можно сделать вывод, что даже после оставления Смоленска оба главнокомандующих далеки от мыслей об угрозе «древней столице» потому, что ждут прибытия не столько резервов, сколько двух «прекрасных армий» с боевым опытом.

Однако Торماسов ссылаясь на то, что он должен дожидаться прибытия Дунайской (Молдавской) армии. Где собственно находилась армия Чичагова, которой так не хватало на западном театре, когда драматические события развернулись между Витебском и Смоленском?

Как известно, весной 1812 года Александр I разрешил М.И. Кутузову, уполномоченному вести мирные переговоры, заключить мирный договор на тех условиях, которые Кутузов считал реальными: присоединение к России Бессарабии с границей по реке Прут. Но в рескрипте от 22 марта 1812 года император указывал: «На сию столь важную уступку, однако же, не иначе позволяю вам согласиться, как постановя союзный трактат с Портою»⁸⁸. Опытный дипломат понимал, что в тех условиях это требование было невыполнимо: султан выразил согласие на нейтралитет в случае конфликта между Россией и Францией, отказавшись заключить союз с Наполеоном, а заключение союза с Россией означало бы фактическое объявление войны Наполеону и Австрии, которая вступила в союз с Наполеоном, претендуя в качестве вознаграждения на турецкие владения. Послы этих государств уже имели полномочия гарантировать Турции, что не признают отторжения у нее территорий и обеспечат их возврат в случае присоединения Турции к военному союзу. На требование Государя Кутузов решительно возражал: «Что же касается до союза, то об оном не упоминается в трактате... Настаивая в сем требовании, не только повредили бы мы скорейшему успеху начатого дела, но и вовсе бы ход оно и самое событие могли приостановить»⁸⁹. В апреле во главе Дунайской армии встал адмирал П.В. Чичагов, прибывший на смену М.И. Кутузову, которому, по мнению Государя, не хватало энергии. Александр I намекнул Чичагову на попытку «соединить славян с целью сделать диверсию против Австрии и французских владений по Адриатическому морю»⁹⁰. В смене главнокомандующих Александр I был, безусловно, прав в одном: Кутузов, как «государственный человек» с большим дипломатическим и военным опытом нашелся бы, что возразить против этой эксцентричной затеи, когда неприятель уже стоял вдоль западной границы России. Историк А.Н. Попов

очень тонко и исчерпывающе охарактеризовал ситуацию, возникшую при встрече двух главнокомандующих: «Сообщенное графом Кутузовым адмиралу Чичагову известие о подписании предварительных условий мира определяло уже образ его соображений и действий, поставив его на почву действительности. Уже не было нужды уноситься воображением до Константинополя, изгнания турок в Азию и изменения судеб всей полуденной Европы. Заключенный мир должен был служить для него точкою исхода; а разорвать этот мир он не имел полномочий... Но, признавая мир, как уже совершившееся явление, Чичагов, однако же, считал его полезным только в том случае, если вместе с тем будет заключен союз с Портою»⁹¹. Чичагов развил бурную деятельность, хотя полномочий на ведение переговоров у него не было. Его эксцентричная деятельность вызвала подозрения не только в Константинополе, но и в Лондоне, что, безусловно, задержало ратификацию Бухарестского мирного договора на два месяца.

2 августа, когда 27-я пехотная дивизия отбивала атаки французской кавалерии в деле под Красным, адмирал Чичагов обращался к императору с письмом, помеченным «Бухарест»: «Да благоугодно будет Вашему Величеству позволить мне действовать с армиею, которой я имею честь командовать, и Вам можно будет давать предписания султану и предупредить его, что я буду просить у Вашего Величества приказ мне выпроводить его в Азию. ...Какое насчастье Государь, что еще раз обманулись в подобном ожидании. Я еще в Фокшанах, а в настоящую минуту был бы у Константинополя. Какая разница влияния на общие дела. ...Отчего бы нам через Константинополь не пройти в Италию или в Долмацию? ...Если бы можно было затянуть решение о секретных статьях а в особенности воспротивиться разрушению Измаила, — это может быть дало бы повод к новому разрыву (т. е. только что заключенного Бухарестского мира. — *Л. И.*). ...Осмеливаюсь просить повелений Вашего Величества: если бы при переходе через Днестр я нашел выгодным для нас войти в Галицию (т. е. на территорию Австрии. — *Л. И.*) и туда перенести военные действия, могу ли я это сделать?»⁹² Исследователи полагают, что Чичагов выступил на соединение с армией Торماسова в июле, исходя из даты ратификации Бухарестского мира султаном. Так А.И. Михайловский-Данилевский, не скрывая иронии, писал: «15 июля получено Чичаговым посланное от Государя из Смоленска

повеление не ходить к Адриатическому морю, но обратиться назад на соединение с Тормасовым. 19 июля, когда Барклай де Толли и Князь Багратион приближались к Смоленску, выступила Дунайская армия в Вольнскую губернию...»⁹³ Но 6 августа, все еще находясь в Фокшанах, Чичагов извещал императора о своих будущих намерениях: «Ныне, 18 августа, авангард начинает переправляться через Днестр в Хотине, а остальное последует вскоре. ... Все мы... с нетерпением ожидаем вступить в бой, но расстояния огромны и препятствия иногда неодолимы. Недавно имел я сведения о 1-й, 2-й и 3-й армиях; положение дел заставляет меня более, чем когда-либо соединиться с той, которая нам будет доступнее. ... Я бы пошел на помощь ген. [ералу] Тормасову, но не допущу себя разбросать, пока Ваше Величество не изволите сообщить мне о намерениях Ваших»⁹⁴. Ошибкой было бы считать, что в письме от 6 августа слова «ныне, 18 августа» означают, что адмирал датировал письмо новым стилем, так как все остальные даты переписки соответствуют старому стилю, а в письме от 18 августа все еще из местечка Яссы Чичагов выразил неудовольствие императору поведением генерала Тормасова: «... С первого же шага генерал Тормасов не счел себя даже уполномоченным передать мне свою армию. Рискую найти то же сопротивление в начальниках всех корпусов, ибо ни одному не сказано, что он будет состоять под моим начальством... Таким образом, вместо единства, начинается большим разложением властей»⁹⁵. Нет ни одного письма, где бы Чичагов не сообщал Государю о «кознях» недоброжелателей, об обретении им новых врагов, об обманутых надеждах, разрушенных планах, неодолимых препятствиях и т.д., но именно ему Александр I вверил командование 3-й Западной армии, которая была образована посредством слияния Дунайской и 3-й Обсервационной (Резервной) армий после отстранения от командования генерала Тормасова.

Только 4 (16) сентября и. о. Военного министра князь А.И. Горчаков 1-й отправил Кутузову копию с отношения адмирала Чичагова от 18 (30) августа Барклаю де Толли в ответ на отношение последнего от 31 июля (12 августа): «Сколь ни велико было желание мое приблизиться скорее к театру войны; но продолжавшиеся несколько времени здесь дожди произвели такое разлитие рек, что не было никакой возможности переходить их... Марш их [войск] расположен таким образом, что никакие новые распоряжения ускорить онаго не могут.

... Между тем я буду ожидать Высочайших повелений, и буде не получу другого назначения, то употреблю возможные способы к поспешнейшему следованию к тем местам, где вверенную мне армию нужно будет противопоставить неприятелю»⁹⁶. Остается только удивляться долготерпению императора по отношению к адмиралу П.В. Чичагову и его враждебному отношению к князю Багратиону, которого он почитал виновником всех бед на театре военных действий, где явно не хватало двух армий, которые могли повлиять на ход боевых действий между Витебском и Смоленском. Именно об этом князь П.И. Багратион упомянул в письме графу А.А. Аракчееву, находившемуся при императоре: «Вы будете отходить назад, а я все пробивайся. Ежели для того, что фигуру мою не терпят, лучше избавь меня от ярма, которое на шее моей, а пришли другого командовать, но за что войска мучить без цели и без удовольствия»⁹⁷. В статье мы с умыслом не прибегали к обширному цитированию личной переписки генерала, которой так много уделено внимания в нашей историографии, но которая имеет существенное отличие от официальной переписки не только в плане стилистики речи, но нередко и в самом содержании.

Представляется, что оба главнокомандующих — Барклай де Толли и Багратион — одинаково понимали сложность ситуации, в которой они оказались в июле — августе 1812 года. Однако, по мнению принца Евгения Вюртембергского, начальствовавшего в тот год 4-й пехотной дивизией, Барклаю не хватало «мужества отстаивать свои взгляды в столь сложной ситуации. В определенном смысле и сам император его компрометировал из-за противоречий между публичными призывами в национальном духе, с одной стороны, ... и своим известным Барклаю ... тайным убеждением, что и дальнейшее отступление неизбежно. ... В этом отношении Багратион, очевидно, был с ним согласен. Практик и опытный воин, смелый и активный, однако в то же время осторожный и решительный, князь давно понял, что тут требуется, пока Барклай еще колебался»⁹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 127.

² Толь К.Ф. Критика сочинения Описание Отечественной войны по Высочайшему повелению соч. Генерал-Лейтенантом Михайловским-Данилевским // Генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь в Отечественную войну. СПб., 1912. С. 188.

³ *Ермолов А.П.* Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 147–148.

⁴ *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий первой Армии в 1812 году // Изображение военных действий 1812 года. 2-е изд. М., 2012. С. 5.

⁵ *Ладыгин Н.И.* Замечания на войну 1812 года генерала Ладыгина // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XIII: Сборник материалов. М., 2015. С. 387.

⁶ Переписка Императора Александра и Баркляя де Толли в Отечественную войну после оставления Государем армии // *Харкевич В.И.* Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 14.

⁷ Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945. С. 213.

⁸ Письма графа Э.Ф. Сен-При А.А. Закревскому // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XIII: Сборник материалов. К 200-летию Венского конгресса. М., 2015. С. 353.

⁹ *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. Т. II. Нашествие Наполеона на Россию. М., 2009. С. 289–290.

¹⁰ См.: *Омельянович.* План Пфуля: Этюд из истории Отечественной войны. СПб., 1898; *Власенко А.Г.* Барклай де Толли в начале Отечественной войны 1812 года // Барклай помнит вся Россия (к 200-летию памяти великого полководца). Сб. статей. Калининград, 2019. С. 57–62.

¹¹ *Толь К.Ф.* Критика сочинения Описание Отечественной войны... С. 185.

¹² *Паскевич И.Ф.* «Походные записки» [1837–1838 гг.] // 182 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 81.

¹³ Там же. С. 81.

¹⁴ Генерал Багратион. Сборник документов. С. 188.

¹⁵ Там же. С. 192.

¹⁶ Письма графа Э.Ф. Сен-При А.А. Закревскому. С. 355.

¹⁷ Генерал Багратион. Сборник документов. С. 195.

¹⁸ Там же. С. 263.

¹⁹ *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 52.

²⁰ Генерал Багратион. Сборник документов. С. 206.

²¹ *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий первой Армии в 1812 году. С. 5–6.

²² *Ермолов А.П.* Записки. С. 138.

²³ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XVI. СПб., 1911. С. 147.

²⁴ *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 г. С. 51.

²⁵ *Вистицкий М.С.* Из записок Вистицкого // *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. С. 184.

²⁶ *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 г. С. 52.

²⁷ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. С. 136–137.

²⁸ Генерал Багратион. Сборник документов С. 145–146.

²⁹ Ф. 103. Д. 13. Л. 118 об.

³⁰ Генерал Багратион. Сборник документов. С. 208.

³¹ Там же. С. 210.

³² Там же. С. 215.

³³ *Попов А.И.* Первоисточник дезинформации // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Сборник материалов XXIV-й Международной научной конференции 28 октября 2017 года. Малоярославец, 2017. С. 97; этому же сюжету автор посвятил статью «Фантазии князя Багратиона и Ко» // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2017. С. 357.

³⁴ *Ермолов А.П.* Записки. С. 136–137.

³⁵ *Ивченко Л.Л.* Благородно чувствовать умею...» (А.В. Суворов и П.И. Багратион в Итальянской кампании 1799 г.) // Император. Военно-исторический альманах. 2005. № 7. С. 7–13.

³⁶ Журнал боевых действий отряда князя П.И. Багратиона. СПб., 1904. С. 8.

³⁷ А.В. Суворов. Документы. Т. 4. М., 1953. С. 69.

³⁸ *Ермолов А.П.* Записки. С. 136–137.

³⁹ 1812–1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. М., 1992. С. 119–120.

⁴⁰ Там же. С. 216.

⁴¹ Генерал Багратион. Сборник документов. С. 209.

⁴² Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. С. 131–132.

⁴³ *Паскевич И.Ф.* «Походные записки». С. 91.

⁴⁴ Генерал Багратион. Сборник документов. С. 212.

⁴⁵ Там же. С. 213.

⁴⁶ Переписка Императора Александра и Барклай де Толли в Отечественную войну после оставления Государем армии. С. 7.

⁴⁷ Письма графа Э.Ф. Сен-При А.А. Закревскому. С. 357.

⁴⁸ Генерал Багратион. Сборник документов. С. 215.

⁴⁹ Переписка Императора Александра и Барклай де Толли в Отечественную войну после оставления Государем армии // *Харкевич В.И.* Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 11.

- ⁵⁰ Там же. С. 14.
- ⁵¹ Генерал Багратион. Сборник документов. С. 218.
- ⁵² *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 года. М., 2007. С. 184.
- ⁵³ Переписка Императора Александра и Барклая де Толли в Отечественную войну. С. 4.
- ⁵⁴ *Ермолов А.П.* Записки С. 156–157.
- ⁵⁵ Цит. по: *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны. С. 186.
- ⁵⁶ Переписка Императора Александра и Барклая де Толли в Отечественную войну. С. 4.
- ⁵⁷ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны. С. 187.
- ⁵⁸ Генерал Багратион. Сборник документов. С. 222–223.
- ⁵⁹ *Харкевич В.И.* Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 10.
- ⁶⁰ Генерал Багратион. Сборник документов. С. 225–226.
- ⁶¹ Там же. С. 227.
- ⁶² Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. С. 287.
- ⁶³ Генерал Багратион. Сборник документов. С. 224.
- ⁶⁴ *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий первой Армии в 1812 году. С. 10.
- ⁶⁵ *Паскевич И.Ф.* «Походные записки». С. 91.
- ⁶⁶ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны. С. 189.
- ⁶⁷ *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 г. С. 55.
- ⁶⁸ Ф. 846. Оп. 16. Д. 3502. Л. 130.
- ⁶⁹ Цит. по: *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны. С. 198.
- ⁷⁰ *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий первой Армии в 1812 году. С. 14.
- ⁷¹ Там же. С. 15.
- ⁷² *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 г. С. 27.
- ⁷³ Там же. С. 57–58.
- ⁷⁴ Там же. С. 60.
- ⁷⁵ *Паскевич И.Ф.* «Походные записки». С. 78.
- ⁷⁶ Переписка Императора Александра и Барклая де Толли. С. 4.
- ⁷⁷ *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 г. С. 59–60.
- ⁷⁸ 1812–1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 157.
- ⁷⁹ Там же. С. 156.
- ⁸⁰ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. С. 233–234.

⁸¹ Там же. С. 260.

⁸² Переписка Императора Александра и Баркляя де Толли. С. 16.

⁸³ Ф. 846. Оп. 16. Д. 3502. Л. 113 об.

⁸⁴ Генерал Багратион. Сборник документов. С. 229.

⁸⁵ Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815, 1816 годов. СПб., 1816. С. 28–29.

⁸⁶ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. С. 44.

⁸⁷ Переписка Императора Александра и Баркляя де Толли. С. 18.

⁸⁸ М.И. Кутузов. Документы. Т. III. М., 1952. С. 851.

⁸⁹ Там же. С. 895.

⁹⁰ *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 2. М., 2009. С. 159.

⁹¹ Там же. С. 161.

⁹² Письма адмирала П.В. Чичагова императору Александру I // Сб. Трудов РИО. 1871. Т. 6. С. 19–21.

⁹³ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны. С. 137.

⁹⁴ Письма адмирала П.В. Чичагова императору Александру I. С. 25, 27, 29–30.

⁹⁵ Там же. С. 31.

⁹⁶ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XVIII. С. 22.

⁹⁷ Генерал Багратион. Сборник документов. С. 191.

⁹⁸ Мемуары герцога Евгения Вюртембергского. 1788–1812. М., 2021. С. 257.